

Под обиженным, полным укоризны взглядом Годжо Сатору Накахара Яёи почувствовал необъяснимую неловкость.

Разговаривая, они с Камо Хироки как-то незаметно сблизились, так что теперь их плечи почти соприкасались. Хоть Яёи и понимал, что не совершил ничего предосудительного, он всё же сделал шаг в сторону, увеличивая дистанцию.

Сатору буравил Хироки ледяным, откровенно враждебным взглядом.

Камо, будучи парнем сообразительным, сразу понял, что старшеклассник не в духе. Теряясь в догадках, чем он мог насолить самому Годжо Сатору, Хироки предпочёл сделать вид, будто не замечает этой удушающей, почти осязаемой злости, и вежливо поздоровался:

— Добрый день, Годжо-сэмпай!

Сатору не проронил ни слова. Настроение у него было паршивее некуда.

Яёи напрочь проигнорировал его предупреждение! Мало того что ушёл из школы вместе с этим Камо, так ещё и раскрылся перед парнем, которого знает всего пару дней! Шли тут, небось, ворковали и смеялись всю дорогу!

Разумеется, это были лишь предвзятые домыслы Сатору. На самом деле Яёи ничуть не веселился — его лицо хранило привычную маску безразличия. Но в глазах уязвлённого Годжо это общение выглядело непростительно дружелюбным. И это безумно раздражало.

Сатору и сам не мог толком объяснить, почему так заводится.

Да, Хироки ему не нравился. Но ведь Яёи вернулся целым и невредимым, а значит, парень не замыслил ничего дурного и не причинил ему вреда.

Пока Сатору испепелял соперника взглядом, а Хироки и Яёи в замешательстве переглядывались, раздался шорох — Гето Сугуру, услышав голоса, раздвинул двери-сёдзи.

— Чего вы тут расшумелись? Повздорили, что ли? — спросил он, взъерошив и без того растрёпанные волосы, и тут же заметил Накахару: — О, Яёи! Вернулся наконец.

Сугуру всегда отличался поразительной проницательностью. Сатору прекрасно это знал и понимал: от этого взгляда его мелкие собственнические порывы не скрыть. Смирив гордость, он неохотно отвёл глаза от Камо.

Хироки, без вины виноватый, только и ждал момента, чтобы поскорее убраться отсюда.

— Сэмпай, я, пожалуй, пойду к себе, — торопливо проговорил он, обращаясь к Яёи и Сугуру.

Сугуру, как самый вежливый из них, кивнул:

— Спасибо, что проводил Яёи в Главный совет магов, Камо. Отдыхай.

Комната Хироки располагалась в конце той же открытой веранды. Опасаясь, что Годжо сорвёт злость на Яёи, у самого входа он не удержался и тревожно оглянулся.

Но, вопреки его опасениям, Сатору не стал устраивать сцен.

Он просто сидел на краю веранды, скрестив руки на груди, и молча дулся. На нём не было форменной куртки — лишь тонкая рубашка, едва защищающая от прохлады. Сатору хмуро созерцал пошедшую мелкой рябью озёрную гладь.

Затем он слегка, почти незаметно, повернул голову. Его взгляд, лёгкий, как дуновение ветра, скользнул по диагонали назад.

Туда, где Яёи тихо беседовал с Сугуру.

То, как Сатору смотрел на Яёи, трудно было назвать взглядом обычного одноклассника. В нём крылось нечто куда более личное и глубокое.

Впрочем, Сатору не зря обладал «Шестью Глазами». Даже когда Хироки остановился в десяти метрах позади, Годжо мгновенно уловил чужое присутствие и резко обернулся, пронзая его острым взглядом.

Почувствовав себя невольным свидетелем чужой тайны, Хироки смутился, поспешно отвёл глаза и скрылся за дверью своей комнаты.

Яёи и Сугуру не заметили этой мимолётной безмолвной стычки. Опершись спиной о деревянный столб веранды, Яёи спросил:

— Гето-кун, ты не знаешь, когда мы возвращаемся в Токио?

— Завтра или послезавтра, — отозвался Сугуру. — Сэмпай Утахиме сказала, что из-за нападения особого ранга учитель Яга и директор Гакуганджи ушли на экстренное совещание в Главный совет.

— Да ладно тебе, в Киото хотя бы домашку делать не заставляют. Куда лучше, чем на уроках торчать, — лениво подал голос Сатору, заваливаясь на деревянный настил и закидывая руки за

голову.

Сугуру задумчиво перевёл взгляд на покачивающиеся у воды ивы.

— Слушай, Сатору, твой дом ведь здесь, в Киото? Ты же сто лет там не был. Раз уж мы тут, почему бы тебе не провести родных?

— Чего-о? Ещё чего не хватало, делать мне больше нечего, — буркнул тот, капризно надув губы, как типичный упрямый подросток.

Видя, что друг не настроен на откровения, Сугуру не стал настаивать и заговорил с Яёи о недавней лекции по новейшей истории шаманизма.

От одних только научных терминов Сатору потянуло в сон. Он демонстративно зевнул и отвернулся от них на бок.

Но пока Яёи и Сугуру негромко переговаривались, на лице Сатору застыло непривычно сосредоточенное, глубокое выражение. Он явно напряжённо о чём-то думал.

Лишь когда полуденное солнце доползло до его коленей, Годжо резко сел.

— Я тут подумал... — выпалил он совершенно внезапно. — Пожалуй, стоит заглянуть в поместье. Только одному тащиться неохота. Сугуру, погнали со мной?

Характер у Сатору был непредсказуемый — он вечно действовал по наитию. Поэтому ни Сугуру, ни Яёи ни капли не удивились такому резкому порыву.

— Идёт, — легко согласился Сугуру. — Всё равно делать нечего, да и мне давно хотелось посмотреть, как живёт главная ветвь клана Годжо. Любопытно же.

Сатору украдкой мазнул взглядом по Яёи и тут же уставился на воду.

— А ты? — как бы между прочим бросил он.

Яёи, который в последнее время слишком закопался в побочных квестах системы и почти не уделял внимания Гето Сугуру, решил не упускать возможность наладить контакт.

— Раз Гето-куну интересно, я тоже присоединюсь, — кивнул он.

Долго собираться парни не стали. Будучи легкими на подъём, они тут же покинули территорию школы и направились к поместью клана Годжо.

В отличие от клана Камо, чья усадьба ради конспирации была вынесена далеко за городскую черту, родовое гнездо Годжо располагалось прямо в сердце Киото. Оно было надёжно укрыто в глубине тихого жилого квартала, словно воплощая древний принцип благородного уединения посреди шумного мегаполиса.

Добравшись на метро до нужной станции и миновав несколько сонных улочек, они остановились перед длинной, ничем не примечательной стеной приятного древесно-коричневого оттенка.

— Это здесь, Сатору? — спросил Сугуру.

— Ага, пришли.

Сатору подошёл к массивным воротам и набрал код. После короткого двойного писка замок щёлкнул, и створки медленно поползли в стороны.

За стеной открылся взору чудесный традиционный сад — воплощение строгой японской эстетики и утончённой старины. Трудно было поверить, что за безликой внешней оградой скрывается такое великолепие.

Повсюду росли раскидистые камелии. Период их цветения уже миновал, и осыпавшиеся на землю нежно-белые лепестки навевали светлую, поэтичную грусть.

Сатору не предупреждал домашних о своём визите. Дежуривший у ворот слуга при виде молодого господина буквально лишился дара речи. Опомившись лишь спустя минуту, он лихорадочно нажал кнопку вызова дежурного управляющего.

Вскоре весть о том, что молодой господин Сатору вернулся, вихрем разнеслась по усадьбе. Слуги спешно покидали свои посты, стягиваясь к парадному входу. Они выстроились ровными рядами по обе стороны галереи, ожидая его приближения.

Навстречу вошедшим торопливо шёл пожилой управляющий. Несмотря на почтенный возраст и седину, мужчина выглядел на редкость бодрым и подтянутым. Он встал во главе встречающих и вместе со всеми низко, с глубоким почтением поклонился приближающемуся Сатору:

— С возвращением, молодой господин. Рад приветствовать вас.

Яёи с интересом оглядел старика. Тот был одет в безупречно отглаженный строгий костюм и держался с таким достоинством, словно сошёл с экрана старого чёрно-белого фильма о высшем обществе.

— Молодой господин, что же вы не предупредили о своём приезде? — мягко, с искренней

отеческой заботой улыбнулся управляющий. — Вы уже обедали?

— Нет ещё. Я только к полудню глаза продрал, — беспечно отозвался Сатору.

Старик негромко вздохнул и покачал головой:

— Совсем вы себя не бережёте...

К парадному входу вела длинная крытая аллея, увитая лозами глицинии. Время её цветения ещё не пришло, но деревянные перголы уже густо покрылись молодой изумрудной листвой, среди которой угадывались крошечные зелёные бутоны.

Парни пошли по этой тенистой дорожке.

Управляющий никогда раньше не видел спутников Сатору, однако, обладая природной наблюдательностью, без труда догадался, кто перед ним. С вежливой и тёплой улыбкой он поклонился гостям:

— Молодой господин, полагаю, ваши спутники — господин Гето и господин Накахара?

— Угу, они самые, — бросил Сатору, проходя в просторную, хорошо протопленную прихожую и скидывая куртку. — Мы пойдём в мои комнаты. Распорядись, чтобы нам принесли чаю и каких-нибудь сладостей.

— Будет исполнено. Я сию минуту всё подготовлю.

Сатору повёл гостей по длинным коридорам в восточное крыло усадьбы.

Оказавшись внутри, Яёи невольно ощутил, насколько этот огромный дом пуст и безжизненен. За всё время пути им попадались лишь молчаливые, бесшумно снующие слуги — и ни одной живой души из числа хозяев.

Сугуру, у которого возникли точно такие же мысли, негромко спросил:

— Слушай, Сатору, а где твоя семья? Как-то неудобно получается... Мы завалились без предупреждения, надо бы хоть поздороваться с твоими родителями.

— Да ну, забей. Слишком много мороки, — отмахнулся Сатору. — Наш клан вообще немногочисленный, уже несколько поколений ветвь держится на единственном наследнике. Дальние родственники давно живут своими семьями, а родители почти всё время проводят за границей. Так что в главном поместье я, по сути, один.

— Ты никогда об этом не рассказывал, — удивился Сугуру. Сатору вообще редко делился подробностями своего детства. — Выходит, ты с самых малых лет рос один? Неужели не было одиноко?

— Нормально, — безразлично пожал плечами Сатору. — К тому же я сейчас живу в общежитии школы и сюда почти не заглядываю.

Они как раз поднимались по широкой лестнице на третий этаж, когда Яёи заметил висевший на межэтажной площадке старинный свиток.

На потемневшей от времени бумаге красовался портрет мужчины грозного вида. В латах, с самурайским мечом у пояса и традиционной причёской-тянмагэ с выбритым лбом. Судя по деталям, картина принадлежала к эпохе Эдо.

Написанный тонкой тушью портрет, несмотря на солидный четырёхвековой возраст, сохранился безупречно. Бумага, конечно, пожелтела, но штрихи оставались на удивление чёткими и яркими, выдавая бережное отношение хранителей.

— Кто это? — поинтересовался Сугуру, притормозив у свитка.

Сатору тоже остановился и задрал голову, разглядывая суровый лик предка.

— Глава клана Годжо, живший четыреста лет назад. Предыдущий обладатель «Шести Глаз».

«Шесть Глаз» четырёхвековой давности?

Яёи на секунду задумался, выуживая из памяти информацию. Точно. Он встречал упоминания об этом человеке в секретных архивах Ито Тэрухико.

В эпоху Эдо, в годы Кэйтё, тогдашний глава клана Годжо, владевший техникой «Безграничности», сошёлся в смертельной дуэли с главой клана Дзэннин, у которого была «Техника десяти теней». В том бою погибли оба. После этой трагедии на протяжении четырёхсот лет в мире не рождалось ни одного мага с «Шестью Глазами». Пока шестнадцать лет назад на свет не появился Сатору.

— Он ведь тоже владел «Синим свечением» и «Красным»? — спросил Сугуру.

— Само собой, он был невероятно силён, — кивнул Сатору. — Ему даже покорились «Мнимая техника». В этом плане он пока обходит меня на полкорпуса.

Яёи никогда раньше не слышал этого термина. Проявив любопытство, он спросил:

— А что такое «Мнимая техника: Фиолетовый»?

Вопрос был задан мимоходом, но Сатору заметно вздрогнул, точно его укололи иголкой, и понизил голос:

— Наша секретная наследная техника. Такая же, как «Красный».

Он вкратце объяснил Яёи, что если совместить и наложить друг на друга прямую и обратную проклятые техники, то возникнет колоссальная по своей разрушительной силе иллюзорная масса — «Мнимая техника: Фиолетовый».

К сожалению, сам Сатору пока не овладел ею в полной мере, поскольку его контроль над обратной проклятой техникой всё ещё оставлял желать лучшего.

Выслушав объяснения, Яёи мгновенно сообразил: секрет «Мнимая техника: Фиолетовый» — точно так же, как и уязвимость «Безграничности», перегружающей мозг, — являлся величайшей тайной клана Годжо, о которой верхушка магического мира даже не догадывалась. Попади принцип действия этой техники в руки Ито Тэрухико, тот бы от счастья рассудок потерял.

Яёи невольно задумался, и в его памяти всплыло недавнее предупреждение Камо Хироки.

* «Проклятая техника — это козырь любого мага. Ради собственной безопасности её нельзя раскрывать посторонним, а уж тем более объяснять её суть. Стоит врагу разгадать твой секрет, и пиши пропало»*

Опытные шаманы годами учились маскировать свои приёмы, чтобы никто не смог нащупать их слабые места.

Ресницы Яёи слегка дрогнули.

Сатору, выросший в строгой атмосфере древнего клана и получивший суровое традиционное образование, просто не мог не знать этого неписаного правила.

И он прекрасно знал, что Яёи — протеже высшего руководства. При их первой встрече Годжо относился к нему с колоссальным подозрительным прищуром, следя за каждым его шагом, словно за опасным преступником.

Но теперь... теперь он без малейших колебаний, так легко и просто выложил ему сокровенную тайну своего клана.